

Легендарные тренеры советской поры еще живы и вполне бодры. Александр Грушин возглавлял лыжную сборную СССР с середины 80-х. Медали и Олимпиады перечислять смысла никакого.

Мы приезжаем к нему в ОКР едва ли не с рассветом – а Грушин в свои 72 весь в делах, весь в бумагах.

Кто-то заглядывает в кабинет:

– Профессор, вы заняты?

"Профессор" улыбается. Занят. Потому и счастлив.

БАРАК

– Ваша нынешняя должность едва умещается в две строки…
– Заместитель руководителя главного управления по обеспечению олимпийской сборной. Раньше занимался исключительно лыжами, сейчас – всем сразу. Включая летние виды. Сплю мало, на службе и в субботу, и в воскресенье.

– Это во сколько ж из дома выезжаете?

– В шесть утра. А просыпаюсь в пять. Живу под Звенигородом, прикипел к участочку. В город даже не тянет. Проще за день полторы сотни километров намотать, домой возвращаюсь к полуночи.

– В тягость такой режим?
– Привык. Если радость от работы получаешь, остальное не замечаешь. Когда тренером был, тоже вставал не позже шести. Иногда вообще не ложился. Помню этап Кубка мира в Норвегии. Погода ужасная. Мы, тренеры, сутки безостановочно готовили лыжи. Что-то сделали – через два часа погода меняется. И по новой. Самое обидное – все равно не угадали.

– Детство ваше прошло в Мурманске. Сегодня что-то связывает с этим городом?
– Лишь воспоминания. Да могила отца. С ним жуткая история вышла. Железнодорожники не подлежали призыву, а Мурманск был на военном положении. Это сейчас автосцепки, тогда же все вручную. Папа работал сцепщиком, вагоны соединял. Не знаю, как это случилось, но раздавило ему грудную клетку.

– Кошмарная смерть.
– Он еще немного в госпитале мучился, потом скончался. Сорока не было. Осталось трое детей. Мне – шесть лет.

– Детство было озорное?
– Бандитское.

– Это как же?
– Надо в том мире находиться, чтоб понять. Послевоенные годы! Жили в многосемейном бараке, все прелести на улице. Вода тоже. Каждый день и дома, и на улице борьба за свои права. Отбиваться приходилось от шпаны постарше. Можете вообразить, что это за контингент. После войны не только фронтовики вернулись, еще из тюрем людей выпускали… Я уже в пять лет от отца услышал: "Ну, сегодня пойду тебя защищать. Завтра снова. А дальше? Учись-ка драться, иначе ничего в жизни не получится". Вот я и учился.

– С успехом?

– Вскоре после того разговора мать отправила за молоком, деньги в кармане. Наткнулся на шпану. Попытались отобрать мелочь. Бидоны в руках тяжелые – одному разбил голову, второму. Еще камень схватил, готов был добить. Умер бы – но мелочь эту не отдал. Так через какое-то время старшие ходили на меня жаловаться!

– Вычитали – в юности вы на учете стояли в комнате милиции. За какие заслуги?
– Засосал меня этот мир… Я маленький – такие там нужны.

– Форточника из вас сделали?
– Нет, другое. Подсылали к прохожим: "Дядь, угости папироской!" Тот вместо папиросы пацану подзатыльник даст. Тут из-за угла наши: "Ах, ты малышей обижаешь?!" Нужен был повод, чтоб завязать конфликт. Вот так я в милицию и попал.

– Ларек хоть раз подломили?
– Лично я в этом не участвовал. Хотя в компании, возле которой вертелся, было все. Ларьки в том числе.

– Многих из той компании пересажали?
– Всех до единого. Я бы и сам в тюрьму загремел, да судьба оберегала. Уводила от этого. После восьмого класса бросил учебу. Полгода болтался где попало. На работу не брали, я же несовершеннолетний. Да и не умею ничего. Мать однажды в гороно вызвали, вернулась в слезах. И у меня словно прояснение!

– Вся жизнь перевернулась?
– Внезапно пропало желание гулять, жизнь просаживать. С девятого класса учился хорошо, от блатного мира отошел, спортом увлекся.

– Еще когда судьба уберегла?
– Призвали в армию, там свои порядки. В столовой рассаживались так: слева – салаги, справа – "деды". Если что-то нравится, себе забирают, молодым ничего не остается. Все терпят.

– Кормили-то как?
– Компот и кисель – только в выходные. Сахар тоже. Если "праздничный обед" – две печенюшки. Когда "деды" что-то у меня отобрали, я не выдержал. Прямо у стола завязалась драка.

– Вы один, а этих – толпа?
– Да. Из молодых влезть никто не рискнул… Стол перевернули. Это сейчас я худенький – тогда-то поздоровее был. Весил 80 с лишним. Чем хорошо – когда толпа?

– Никогда не задумывались.
– В толпе все хотят побольнее ударить. Мешают друг другу. А как закончили махаться, отправили меня на "губу". 15 суток прописали.

– "Деды"-то вас дождались? Рассчитались?
– А вот и нет. Командовал нами генерал, страшный любитель лыжного спорта! Целую команду сверхсрочников содержал, с такими же генералами из соседних дивизий соревновался. Выстроил нас, страдальцев. Лекцию причитал о правильном поведении в регулярных частях. Остановился около меня: "Ладно, драться ты можешь. Еще что?" Я молчу. "На лыжах способен бегать? У нас сейчас гонка. Иди, покажи свою удаль!" Я быстро сообразил – это шанс. На лыжах все ж лучше ходить, чем с метлой по плацу.

– Лыжи на валенки цеплялись?
– Хуже – на сапоги! Но занял второе место после сверхсрочника, который в нормальных ботинках был, на хороших лыжах.

– Обрадовали генерала?
– Подходит, совсем другой тон: "Слушай, да ты, оказывается, не только кулаками махать умеешь… Будешь тренироваться. Но если еще хоть один мордобой – засуну в такую часть, откуда не выберешься". Вот с его подачи и начал заниматься лыжами всерьез.

ЭЛЕКТРИЧКА

– Кобзон высказался недавно: "Дрался в последний раз пару лет назад, с двумя парнями на банкете". А вы – когда?
– Как-то в электричке ехал к друзьям, в районе Пушкино вижу – к женщине двое пристают. Я заступился. Не ожидал, что кроме этих в компании еще человек шесть. Полемика вышла звонкая, народу полный вагон, но ни один на защиту не встрял

– Сильно вас помяли?
– От души. Зубы выбили.

– А милиция?
– Я не жаловался. Не имею такой привычки. На ближайшей станции ребята выскочили, побежали. Кого там искать? Где?

– Сейчас-то на "Мерседесе" ездите, не на электричке?
– Не на "Мерседесе", но машина хорошая. Тоже история. Я после сборной пять лет отработал в Рыбинске. Помогал предпринимателю Юрию Ласточкину базу выстроить, там пустое место было. Так на день рождения бизнесмены подарили мне "Лендкрузер". Сотку!

– Уровень.
– Положили на стол ключи, документы. Все уже на меня оформлено, с номерами: "Автомобиль в твоем гараже. Забирай". Я обалдел. Но с этой машиной не складывалось.

– Угнали?
– Было несколько попыток. Как-то приезжаю на дачу, а машина в пятидесяти метрах от того места, где припарковал. На руках оттащили, но завести не смогли. Со спутниковой системой справились, а ту, которую мне народные умельцы установили, не вскрыли.

– Народные умельцы – просто герои.
– Герои-то герои, да однажды из-за этой системы у меня "Лендкрузер" посреди Кутузовского проспекта встал, в левом ряду. Какой-то спутниковый глюк мотор заглушил. А я в спортивном костюме, лыжной шапочке. Милиция подскочила – думали, я же и угонщик. Сначала пробивали, кто такой. Затем с сигнализацией этой мучились. В другой раз днем в центре Москвы угнать пытались. Повезло, вышел я пораньше из

магазина…

– Что увидели?
– "Лендкрузер" открыт, панель раскурочена. Дочери говорят: "Пап, наступит момент – тебя выкинут из этой машины. И ее отберут, и голову проломят…"

– Продали?
– Сначала поехал к тем людям, которые мне вручили автомобиль. Объяснил ситуацию. Отвечают – нет проблем. Взял не такой угоняемый.

Продолжение интервью Александра Грушина про его первую Олимпиаду в качестве тренера в Калгари, звездной болезни, допинговых скандалах 90-х, проблемах со здоровьем на Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити, женской психологии, особенностях мужского коллектива и многом другом читайте на сайте "Спорт-Экспресса" **здесь** .